

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор

Института востоковедения РАН

доктор исторических наук

А.К. Аликберов

Аликберов
26.04. 2023 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской Академии наук» на диссертацию Сгонновой Александры Юрьевны на тему «Религиозное значение царской власти в иудаизме в эпоху Второго Храма и новозаветная перспектива», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9 Философия религии и религиоведение.

Диссертацию Александры Юрьевны Сгонновой посвящена религиозным аспектам представлений о царской власти в иудаизме периода Второго Храма. Исследовательница, в частности, изучает, как складывались представления о земном царе (на основе образа царя Давида) и царе «мистическом» (на основе образа Сына Человеческого в Дан 7), и как эти представления отражены в Новом Завете. Ее интересуют также взаимоотношения темы царства и священства, царства и праведности.

Актуальность темы исследования состоит в том, что эпоха Второго Храма, или раннего иудаизма (ок. 516/515 г до н.э. — 70 г. н.э.), послужила источником значительного числа тем, идей и образов в иудейской и христианской традициях, многие из которых остаются культурными и религиозными феноменами по сей день. Среди них важное место принадлежит идее царя — неотъемлемому элементу образа Мессии. Переосмысление идеи власти в эпоху Второго Храма под влиянием бурных исторических событий повлияло на развитие религиозно- политического мышления вплоть до Нового времени, а «царская» атрибутика во многих текстах той эпохи занимает ключевое место и требует тщательного анализа. На протяжении большей части XX века проблематика политической власти изучалась в отрыве от религиозной темы. Однако к концу XX века заметно возрастает интерес к роли религии во властных институтах общества. Религия выходит из сферы частного в сферу общественного и снова все чаще

пересекается с областью политики. В соответствии с этим к изучению взаимосвязи религии и политики в последние годы обращается не только социология религии, но и история религии. В числе событий, показывающих большое значение религии в общественной жизни, можно отметить: исламскую революцию в Иране, подъем движения «Солидарность» в Польше, роль католицизма в Сандинистской революции, румынскую революцию, поднятую пастором-реформатом, «дело Салмана Рушди», визит Горбачева к Папе Римскому и т.д. Религии во всем мире выходят в публичную сферу и на арену политической борьбы не только для того, чтобы защищать свою традиционную территорию, завоеванную в прошлом, но и для борьбы за установление современных границ между частной и публичной сферами, между системой и жизнью, законом и моралью, личностью и обществом, между семьей, гражданским обществом и государством, между нациями, государствами, цивилизациями и системой устройства мира. Регулярные научные конференции, проводимые на базе ведущих вузов, свидетельствуют о возрастании интереса к изучению взаимоотношений исторических форм власти с религией. Этот интерес становится весомой предпосылкой для исследования моделей библейских и раннеиудейских форм правления как одного из источников формирования представлений о монархии в Европе, исламском мире и иудаизме.

Степень обоснованности научных положений и выводов представляется несомненной. Диссертация представляет собой оригинальный труд, выполненный автором на хорошем профессиональном уровне. В работе охвачен широкий круг проблем - в частности, проблемы, недостаточно раскрытые и решенные предыдущими исследователями. Диссертантка проделала большой труд по освоению целого спектра сложнейших дисциплин. Она знает древнегреческий и еврейский языки, способна работать с библейскими и кумранскими текстами в оригинале, что помогает ей пользоваться широким кругом письменных источников. Следует отметить глубокое знакомство автора с обширной научной литературой по данным вопросам, как отечественной, так и зарубежной — исследования по ветхозаветной и новозаветной библеистике, кумранистике, библейским апокрифам и псевдоэпиграфам, истории эпохи Второго Храма, иудейской мистике. Заслуживает внимания готовность автора привлекать для исследования литературу самых разных научных и богословских школ. Эрудиция А.Ю. Сгонновой обширна и может служить примером для многих ее православных коллег и учеников.

Точность выводов достигается внимательным изучением и сопоставлением целого ряда источников, применением адекватных методов их анализа, строгим следованием поставленной задаче.

Научная новизна исследования состоит в применении методологии, основанной на прежде всего на трудах выдающихся российских ученых В.Я. Проппа и Ю.М. Лотмана, к

текстам периода раннего иудаизма, с целью реконструкции процесса формирования основных направлений религиозных представлений о царской власти. Подобное исследование делается впервые. Автору удается делать принципиально новые выводы на основании тех письменных источников, которые уже много раз и с многих сторон изучались в научной литературе.

Основные положения, выносимые на защиту, следующие: Образ царя, представлен в литературе эпохи Второго Храма намного шире, чем было принято предполагать. В период раннего иудаизма сложились две основные модели осмысления царской власти: по образу Давида (земной правитель с божественной санкцией и харизмой) и по образу Сына Человеческого (небесный правитель). 3. В текстах Иосифа Флавия и евангелистов можно выявить зависимость описания Ирода Великого от образа царя Давида в книгах Царств. Ирод выступает у авторов эпохи Второго Храма и в раннехристианской литературе сознательно конструируемым антиподом Царя-Мессии, земного либо небесного. Фигура земного царя в этот период характеризуется преобладанием функции военачальника над функцией судьи, на второй план уходят мотивы исторического и эсхатологического будущего Израиля, и в то же время — развивается представление о связи между богоизбранностью царя и его праведностью. Фигура мистического небесного правителя ангельской, ангелоподобной или божественной природы обладает следующими характеристиками: это обещанный царь будущего века, обитающий на небесах, и один из ключевых участников эсхатологических событий. Для данной модели Характерно концептуальное пересечение с идеей теократии - особой, присущей только Израилю формы правления. Как в литературе Второго Храма, так и у новозаветных авторов наблюдается активная рецепция основных элементов обеих моделей царской власти, в особенности в образах «Праведника», учителя премудрости, и первосвященника. Можно выделить несколько характерных форм развития представлений о власти в Израиле. Модель царя Давида в текстах переосмысливается в рамках определенной темы - например, власть царя Династии Давида может отождествляться с властью священников-садокитов в текстах Кумрана. Возникает представление о новых инклюзивных формах власти: Праведник или пророк приобретает также функции монарха. Идея царской власти в раннем иудаизме и первоначальном христианстве преобразуется, приобретая новые формы. Особенность описания царской власти в данный период состоит в том, что ее границы можно определить только по атрибутам власти, которые приписываются Сыну Человеческому, Праведнику или первосвященнику.

Краткая характеристика основного содержания работы

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографии. Структура работы логична и хорошо выстроена. Во Введении формулируются основные задачи и цели

работы, характеризуется используемый автором материал. Глава 1 посвящена образу царя Давида как идеального монарха. На основании религиозного нарратива Давида в ряде текстов автор показывает, как осужденный институт монархии оправдывается и ставится на службу теократии, став орудием правления Бога над Израилем, а монарх становится избранным благодаря исполнению Закона и покаянию. Модель, выявленная на основе исследования образа и истории Давида, реализуется в истории Ирода Великого. Тот же паттерн, изначально основанный на образе и истории Давида, автор выявляет в религиозном нарративе Иисуса. В следующих разделах предметом исследования служит образ Мессии из рода Давида, в первую очередь в кумранской литературе.

В главе 2 анализируется эволюция образа мистического «царя будущего века». В эпоху Второго Храма также развивается и другое направление, которое своеобразно представляет царя и его роль в эсхатологическом будущем Израиля - представление о «двух владычествах», небесном и земном, которому первое передает власть. Автор прослеживает развитие этих идей на материале псевдоэпиграфов Енохова цикла и учения о Сыне человеческого в евангельской традиции, а также содержание атрибутов божественного правителя: *кавод* (Слава). Престол и Власть. Делается вывод, что образ царя предстает в особом, мистическом аспекте - в единении с Богом и восприятии части божественных функций, и концепция власти через единение с Богом становится преобладающей к концу I в. н. э.

В главе 3 автор останавливается на одной из главных особенностей изучаемого периода — коренном изменении системы властных структур в общинах Израиля, когда вместо царя на главную роль выдвигается священник и учитель Закона. На материале литературы Премудрости, книг Маккавеев, ряда псевдоэпиграфов и кумранских текстов делаются выводы, что именно в эту эпоху складывается образ, который займет верховную позицию в еврейском обществе, — фигура Праведника, учителя и толкователя Закона. Эти тенденции получают развитие в формировании образа Иисуса в Новом Завете.

В Заключение делаются выводы об эволюции идеи царской власти в эпоху Второго Храма и последующие периоды, намечаются перспективы дальнейшего исследования с применением предложенных автором методов анализа источников.

Раздел «Библиография» содержит обширный список литературы (более 300 работ отечественных и зарубежных авторов).

В целом можно сказать, что А.Ю. Сгоннова справилась с поставленными перед ней задачами. Работа выстроена логично и последовательно, автор тщательно анализирует взятые за основу источники, делаются правомерные выводы.

Однако в диссертации замечаются некоторые недочеты, на которых хотелось бы

остановиться подробнее.

Не всегда четко обозначено, где автор привносит новое в научную дискуссию. Взять хотя бы попытку показать, что ряд поступков Ирода Великого берут за образец царя Давида. Хотя А.Ю. Сгоннова указывает на научную новизну этого решения (с. 15), существует целая литература, посвященная параллелям между Иродом и Давидом. Это и старая статья Таль Илан¹, и исследования Адама Колмана Маршака², в том числе его монография³. Все это неоднократно обсуждалось. В диссертации не упомянут данный массив исследований, хотя сходство с работой Илан значительно (включая неочевидную параллель между Мелхолой и Мариам), только Илан подробнее анализирует параллели и чуть иначе их классифицирует. Нет сомнения, что А.Ю. Сгоннова пришла к данным выводам самостоятельно, тем более что в этой работе она пошла дальше, чем оба зарубежных исследователя. Но чтобы избежать несправедливых упреков и более точно позиционировать себя по отношению к статус-кво, имеет смысл внести исправления в данный раздел с учетом упомянутых исследований, а быть может, и взвесить критически все «за» и «против».

Схему, по которой сопоставлены Давид и Ирод, А.Ю. Сгонова применяет и к Евангелиям. Это любопытный (и вполне самобытный) эксперимент, но мы не уверены, что он дал продуктивные результаты: слишком выходят на передний план черты светского правителя. Автор находит совсем мало параллелей между Давидом и Иисусом, причем и те набирает с натяжками. Так, она пишет, что волхвы, «сами того не зная», «помогают скрыться Иосифу и Марии» (с. 50). Это совсем не очевидная трактовка Мф 2, где волхвы и создали опасность для Святого Семейства. Но трактовка не случайна, ибо Сгоннова ищет параллели с историей Давида. Также, пытаясь удержать заданную схему, она полагает, что пункту «вражда с правителем, соответствует борьба Иисуса с «властью книжников и фарисеев» (с. 52). В итоге делается неочевидное заключение: «В отличие от Ирода, в данном случае образ Давида воплощается лишь частично» (с. 54). Далее еще резче: евангелисты «полностью игнорируют нарратив Давида» (с. 125). Получается, что Ирод больше похож на Давида, чем Иисус у евангелистов.

К сожалению, автор стала заложником схемы, унаследованной от Николая Дамасского. Иначе она увидела бы, что евангелисты (а в значительной мере и древнеиудейские предания) смотрят на Давида иначе, чем царь Ирод. Они и Книги Царств читают несколько иначе, и видят в Давиде больше автора Псалмов — поэта и пророка (причем реалии, отраженные в

¹ Tal Ilan, "King David, King Herod and Nicolaus of Damascus," *Jewish Studies Quarterly* 5:3 (1998), 195-240.

² Adam Kolman Marshak, "Glorifying the Present through the Past: Herod the Great and His Royal Jewish Predecessors," in *Texts and Editions for New Testament Study*, eds., Stanley E. Porter, Andrew W. Pitts (Leiden: Brill, 2013), 51-82.

³ Adam Kolman Marshak, *The Many Faces of Herod the Great* (Grand Rapids: Eerdmans, 2015).

Псалмах, становятся частью нарратива о Давиде)⁴. Более того, они видят в Давиде целителя (напр., Иез 34, где к Мессии как Давиду применяются темы пастырства и исцеления). Кстати, в экзегезе делались серьезные попытки увязать евангельские чудеса исцеления именно с давидической христологией⁵. Все это оживленно обсуждалось, включая индивидуальную специфику давидической темы в каждом Евангелии, чего исследовательница практически не учитывает. Она посвящает всего несколько страниц давидической христологии синоптиков, тогда как в науке написаны целые монографии по лишь небольшим фрагментам данной проблемы. К примеру, Юзуру Миура показывает, сколь значим и многопланов образ Давида в «двухтомнике Луки»⁶. А.Ю. Сгонова упускает здесь не отдельные детали, а огромную часть материала. Соответственно, нельзя назвать удачным ее вывод, что «история Ирода Великого практически полностью совпадает по набору признаков с образом Давида» (с. 80). тогда как евангелисты берут лишь отдельные элементы нарратива о Давиде (с. 175).

Многие спорные тезисы высказаны вскользь без должного обоснования и не вполне продуманы. Например, констатировав параллели между Лк 13:10-17 и 1QapGen 20:26-30, а также связь между физическим недугом и одержимостью (со ссылкой на статью Д. Макьелы), А.Ю. Сгоннова пишет: «Это опровергает распространенное мнение, что Лука вносил свои собственные редакторские правки в первоисточники» (сс. 53-54). Как именно опровергает? Здесь не видно логической связи. И как это согласуется с тем, что, например, в Лк 9:26 «Лука переделывает фразу» из Мк 8:38 (с. 118)?

Согласно автору, Иоанн Креститель «отрицает свое пророческое призвание (Лк 3:15-16)» (с. 70). Однако в Лк 3:15-16 Иоанн отрицает лишь свое мессианство, причем выступает как эсхатологический пророк. Возможно, автор перепутала этот эпизод с Ин 1:21?

А.Ю. Сгоннова утверждает, что Иоанн, в отличие от древних пророков, «не произносит новых пророчеств, разъясняя волю Бога или Тору» (с. 70). Но что тогда Иоанн делает в Лк 3:13-14? Что, как не «разъяснение воли Бога», предполагает его призыв к покаянию или обличение Ирода Антипы? В разделе о 7-й главе Даниила сделан вывод, что «Второе Владычество как царь является формой манифестации Бога в этом мире» (с. 97). Очевидно. Сын Человеческий понят как царь. Странно, что, затратив столько труда на детали, автор не исследовала проблему: Сын Человеческий в Дан 7 — индивидуальный или собирательный образ (или то и другое сразу)? В своем выводе она не одинока, но данный момент остается в науке настолько дискуссионным, что нельзя просто взять и сослаться на единомышленников.

⁴ Яркий пример мы находим в Деян 2:25-34: «Давид был пророком» и говорил о судьбе/воскресении Мессии как о собственной судьбе.

⁵ Напр., Y. Chae, *Jesus as the Eschatological Davidic Shepherd: Studies in the Old Testament, Second Temple Judaism, and in the Gospel of Matthew* (Tübingen: Mohr Siebeck, 2006).

⁶ Y. Miura, *David in Luke-Acts: His Portrayal in the Light of Early Judaism* (Tübingen: Mohr-Siebeck, 2007).

Интерпретировав ответ Иисуса первосвященнику (Мк 14:61-62) в русле высокой Христологии («Иисус же говорит, что только Бог может быть Христом», с. 126), А.Ю. Сгоннова пишет: «Образ земного царя отступает на второй план... Это может быть ключом к пониманию дальнейшего упадка интереса к царской власти в Иудее, поражения восстания Бар Кохбы и полной утраты евреями государственной самостоятельности» (сс. 126-127). Как из ответа Иисуса вытекают поражение Бар-Кохбы и утрата государственности? Очевидно, пропущена логическая цепочка. «Представление о том, что только божественная фигура может быть царем... сформулировано Иосифом Флавием и обозначено термином «теократия» (с. 129, также с. 127). В таком виде мысль сенсационна (может быть, неудачно сформулирована?), хотелось бы видеть аргументы в ее пользу. Кстати, есть веские причины интерпретировать теократию Иосифа как направленную против монархических (и мессианских) идей⁷.

Вызывают вопрос общие выводы к работе: автор говорит о новизне в тех положениях, которые никак нельзя назвать новыми. Например: «Мы пришли к важному пункту нашей работы - не только фигура монарха обладала в период раннего иудаизма правом возглавлять Израиль» (с. 174). Мы не знаем никого, кто стал бы с этим спорить.

Не помешала бы и литературная правка. Например, есть неточные и неясные формулировки. Фраза «Противостояние строится между терминами «Сын Человеческий» и «Сын Божий», на которых основывается царская аргументация евангелистов» (с. 52) несколько бессвязна и напоминает англицизм. Или: «...монографии, в которых есть религиозные обоснования царской власти» (с. 19). Речь идет о монографиях, которые анализируют таковые обоснования в религиозных текстах. Или: «не каждое действующее лицо в текстах Кумрана является в строгом смысле Мессией» (с. 59). В таком виде мысль бесспорна (в кумранских документах много «действующих лиц»), но зачем автор говорит об этом? В некоторых разделах (напр., 1.3.1) не очень легко следить за ходом мысли. На с. 158 автор утверждает, что большинство ученых рассматривает кумранского Учителя Праведности «как вдохновенного переводчика пророческих Писаний». Очевидно, имеется в виду не «переводчик» (неудачный перевод англ. *interpreter*?), а все же «толкователь, интерпретатор».

Не всегда расставлены ссылки на первоисточники (например, в разделе про Ирода).

Возникает еще один вопрос: не слишком ли широкий круг проблем затронут в работе? Конечно, взгляд «с высоты птичьего полета» оправдан и имеет свои преимущества. Но уж очень неочевидна интерпретация текстов, упущен ряд возможностей. Например, сколько

⁷ См., напр., Jeremiah W. Cataldo, *A Theocratic Yehud? Issues of Government in a Persian Period* (London: T&T Clark, 2009), 125, который развивает выводы Х. Канцика.

сломано копий вокруг одних только мессианских концепций Кумрана! Автор же, пересказывая тексты, лишает свои выводы твердой почвы, поскольку в ряде случаев возможны (и не прокомментированы) другие трактовки. К тому же слишком много места заняли пересказы и цитаты из Библии.

Можно отметить еще ряд мелких упущений.

С. 12: *Terminus ante quem* написания 1-й книги Маккавеев 63 г. до н.э. Этому есть убедительное доказательство: после вторжения Помпея в Иудею автор вряд ли стал бы писать о римлянах в таких хвалебных тонах.

Книга «Премудрость Иисуса сына Сирахова» написана скорее в начале II в. до н.э. (как и отмечает автор ниже, на с. 66). Это легко высчитывается, исходя из точно датированного прибытия внука Иисуса в Египет.

С. 21: Слово «Царь» следует назвать скорее определением Бога, а не эпитетом. Равно как и апокалиптическая битва - не «атрибут достаточно многих книг», а скорее «эпизод» или характерная черта» (с. 75).

С. 34: Не совсем точно излагается эпизод из 2 Цар 11:5-17. Давид отправляет Урию на смерть не потому, собственно, что хотел «овладеть его женой», а потому, что Вирсавия забеременела от Давида и не было возможности (хотя Давид неоднократно пытался) обмануть Урию и приписать отцовство ему.

С. 52: Об Иисусе в Мк 1:27 действительно говорят, что он вводит новое учение, но он сам говорит, что ничего прежнего не отменял.

С. 105: Говоря о версиях «Жития Адама и Евы», автор не упоминает одну из главных версий - греческую.

Указанные недочеты, которые можно будет устранить и исправить при дальнейшей подготовке работы к публикации, не умаляют достоинств диссертации.

В целом работа Александры Юрьевны Сгонновой представляет собой самостоятельное и квалифицированное религиозноведческое исследование, выполненное на хорошем научном уровне, с привлечением широкого круга источников и научной литературы. Положения, выносимые на защиту, достаточно аргументированы, поставленные цели достигнуты.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Диссертационное исследование А.Ю. Сгонновой «Религиозное значение царской власти в иудаизме в эпоху Второго Храма и новозаветная перспектива», представленное на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.9, Философия религии и религиоведение, в полной мере соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. Постановлений

